

слова, какими о ней рассказать. О том, как она летала. Ведь ты сам знаешь, как это здорово — найти нужное слово».

Шварц не любил чистоплюев и белоручек в литературе, высокомерно делящих литературную работу на белую и черную, гнушающихся «вспомогательными» и «прикладными» жанрами. Он искренне изумлялся, что какую-то литературную работу считают поденщиной, и часто говорил: «Надо делать все, о чем тебя попросят, не отказываться ни от чего. И стараться, чтобы все получалось хорошо и даже отлично». И в самом деле брался за все — писал куплеты, подписи под журнальными картинками, балетные либретто, цирковые репризы, вкладывая и в эти вещи весь свой талант.

Профессиональная и нравственная сторона в писательстве были для Шварца неразделимы. Как-то на одном из собраний ленинградских писателей он произнес слова, которые многим запомнились: «Конечно, никому не возбраняется втайне, в глубине души надеяться, что он недурен собой и что кто-нибудь, может быть, считает его красивым. Но утверждать публично: я — красивый — непристойно. Так и пишущий может в глубине души надеяться, что он писатель. Но говорить вслух: я —

писатель — нельзя. Вслух можно сказать: я — член Союза писателей, потому что это есть факт, удостоверяемый членским билетом, подписью и печатью. А писатель — слишком высокое слово...» Это и не могло не запомниться: так точно и просто сказал Шварц о том, что составляет одну из благородных традиций русской литературы.

Не случайно самым его любимым писателем был Чехов. И это только на первый взгляд кажется неожиданным: влияние Чехова явственно ощущается в характере юмора Шварца, а главное — в нравственной атмосфере его произведений. Надо надеяться, что мимо этой проблемы, на которую наталкивают воспоминания, не пройдут будущие исследователи творчества Шварца. И таких неожиданных «узелков», которые в дальнейшем предстоит развязывать критикам и литературоведам, чтобы, придерживаясь обнаруженной нити, открывать новые «пласты» в драматургии Шварца, в сборнике великое множество. Можно не сомневаться, что выпущенный издательством «Искусство» сборник поможет и читателям и исследователям лучше, глубже понять произведения Евгения Шварца.

Л. ЛАЗАРЕВ

КНИГА О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ*

В богатой славными именами истории мировой литературы особое место занимают те, кто завоевал право на бессмертие не только своими прекрасными творениями, но и легендарным мужеством, героической

борьбой за свободу народов. Один из таких писателей — Муса Джалиль.

Вот почему, кроме исследований о творчестве Джалиля, нам нужны книги, правдиво рассказывающие о том, каким он был, как писал и о чем говорил с друзьями, как началась его литературная деятельность и как он пришел к «Моабитской тет-

* «Воспоминания о Мусе Джалиле». Составители Г. Кашшаф и Р. Мустафин, Казань, Таткнигоиздат, 1966, 236 стр.

ради», то есть нужны книги очевидцев, рассказывающих во всех подробностях о жизни поэта.

Подготовить сборник воспоминаний о Мусе Джалиле оказалось делом далеко не простым. Для того чтобы читатель получил эту книгу, друг Джалиля Гази Қашшаф — один из составителей — потратил десять лет труда, упорства, настойчивых поисков. Нелегко было найти товарищей Джалиля по борьбе с гитлеровцами, тем более что многие из них были известны только по подпольным кличкам.

Круг людей, чьи воспоминания представлены в сборнике, широк: журналисты, бывшие узники фашистских лагерей и тюрем, ближайшие родственники, писатели, учителя, артисты. Конечно, их больше, этих людей, которые близко знали Джалиля и могли бы о нем рассказать, — хочется верить, что в недалеком будущем в печати появятся новые материалы.

О детских годах Джалиля интересно рассказывают его сестры и брат. Мы узнаем, что еще десятилетним мальчиком будущий автор «Алтынчеч» и «Ильдара» инсценировал стихи Тукая. Вообще он очень рано начал «пробовать перо». Вот что рассказывает Ибрагим Залилов: «Темной апрельской ночью 1918 года бандиты неожиданно ворвались в город, окружили одну из казарм и порубили саблями не только красноармейцев, но и приехавших навестить их женщин и детей. Мы с Мусой ходили на похороны. Вернувшись, Муса написал гневную статью об этом в стенную газету медресе, выходившую под его редакцией и заполненную обычно его статьями и стихами». А ведь было тогда Джалилю всего двенадцать лет.

Но, значит, быстро выросли дети

в то героическое время. И вот Муса уже в двенадцать лет, как вспоминает Гали Маннапов, в составе коммунистического отряда участвует в схватках с бандитами. А на следующий год, когда умер отец, Муса, чтобы не быть обузой для семьи, уходит в город работать. Так начиналась жизнь, со всеми ее трудностями, горестями и счастьем. И он никогда не унывал, не поддавался отчаянию, никогда.

Парторг редакции фронтовой газеты «Отвага» Н. Радионов говорит: «Джалиль был среди нас, пожалуй, самым большим жизнелюбом и деятельным оптимистом... Он был куда практичнее всех журналистов и легче переносил трудности».

«О чем бы он ни говорил, — рассказывает Андре Тиммерманс, — он был всегда очень спокоен и неизменно восхищал меня этим... Я повторяю — он был очень спокойный и мужественный человек».

Это же отмечает и бывший итальянский военнопленный Рениеро Ланфредини: «Мы сразу стали хорошими друзьями. Они (Джалиль и Булатов.— Ш. У.) рассказали мне, что шесть месяцев назад им вынесли смертный приговор... В ожидании казни они были спокойны». Теперь мы понимаем, почему Джалиль мог свои стихи, написанные в неволе, назвать «Навстречу радости».

Латыф Хамиди вспоминает, как в конце 20-х годов они с Мусой решили на страницах журнала «Дитя Октября» (ответственным редактором которого был Джалиль) дать детям элементарные знания по музыке. «Чтобы было увлекательнее, решили сделать это в виде переписки двух ребят. Я написал письма и отдал их Мусе. Он обработал их, заново переписал, а подпись сохранил мою. Прочитав, я сказал:

«В твоей обработке письма получились замечательными, почему же ты не поставил и свою подпись? Ведь это наша совместная работа». Тогда Муса показал мне ряд статей и рассказов, подписанных псевдонимами «Апуш», «МЖ», «М», и пояснил: «Как ты думаешь, кто написал все это? Мал пока авторский актив, мне приходится многое делать самому». Это совсем небольшой и трогательный эпизод из жизни поэта, но сколько за ним раскрывается трудолюбия и бескорыстной любви к своему делу!

Очень интересна впервые полностью публикуемая на русском языке

статья Луи Арагона «Вот что произошло в Берлине» (из его книги «Советские литературы»), где писатель с огромным восхищением говорит о «Моабитской тетради», о подвиге Джалиля.

Воспоминания написаны многими людьми, знавшими Джалиля в разные периоды его жизни, и всех их объединяет одно: глубокое уважение и любовь к нему. Так, рассказ о самом поэте помогает глубже понять его поэзию, и образ замечательного поэта, мужественного и благородного человека становится нам ближе и роднее.

Ш. УМЕРОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ АБХАЗСКОГО ФОЛЬКЛОРА *

Книга Ш. Салакая — первое монографическое исследование основных жанров героического и историко-героического фольклора абхазов от древнейших сказаний о нартах до фольклора классового общества. Автор рассматривает историю собирания, публикации и изучения абхазского народно-поэтического творчества. Работа выполнена весьма тщательно: не оставлен без внимания ни один документ, ни одно свидетельство.

Исследуя древнейшие эпические сказания абхазов, автор объясняет причины преобладания героической тематики в их фольклоре исторической жизнью народа, полной непрерывных, ожесточенных войн. Методически правилен подход исследователя к вопросам историзма в фольклоре: если героический эпос характеризуется обобщенным, идеализиро-

ванным отражением исторической эпохи, обращением к мифическим образам, то в основе исторической песни лежит более конкретное изображение действительности.

Основное место в книге уделяется самому совершенному и монументальному творению народно-поэтической мысли абхазов — сказаниям о нартах и Абрскиле.

Молодой ученый довольно убедительно и аргументированно спорит с В. Абаевым и Е. Мелетинским по вопросу о времени, месте и этнической среде, в которой сложилось первоначальное ядро эпоса.

Исследователь анализирует сюжеты и образы героического эпоса о нартах и приходит к выводу, что в основе его первоначального ядра лежат представления первобытнообщинного строя на различных стадиях развития — матриархат, патриархат, разложение первобытной общины и переход к классовому обществу.

Интересен анализ эволюции об-

* Ш. Х. Салакая, Абхазский народный героический эпос, «Мецниереба», Тбилиси, 1966, 184 стр.